

А. М. Зинин*, С. Б. Россинский**

Особенности вербального способа познания в уголовном судопроизводстве

Уголовное судопроизводство в целом и установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в частности неразрывно связаны с получением и анализом доказательственной информации самого различного рода и характера. Использование такой информации связано с анализом результатов ее отражения в сознании субъектов судопроизводства. В связи с этим для оценки информации необходимо знание закономерностей процесса познания, в котором существенное значение имеет такой вид психического отражения, как восприятие.

При этом следует обратить внимание на то, что в теории уголовного процесса и криминалистики вопросы, связанные с закономерностями восприятия субъектами познания отраженной информации, остаются практически не исследованными. Так, большинство отечественных ученых-процессуалистов и криминалистов оставляли эти проблемы за рамками своих исследований, видимо, считая, что такие закономерности основаны на неоспоримом постулате марксизма-ленинизма о возможности отражения объективной реальности в сознании субъекта. Авторы некоторых фундаментальных работ старались углубиться в диалектико-материалистические законы философии и позиционировали уголовно-процессуальное познание (доказывание) как разновидность высшей формы отражения, характеризующейся известной степенью субъективизма¹.

Дальше всех в вопросах восприятия субъектами познания сведений, имеющих значение для уголовного дела, продвинулись представители информационной теории доказательств, возникшей в 1960-е гг. на фоне развития кибернетики. Ими была выдвинута идея о доказательственной информации как о сигнале, поступающем из объективной действительности в сознание субъекта доказывания и формирующем там соответствующие познавательные образы². Иными словами, ученые фактически приблизились к концепции о познании (доказывании) обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не получили своего дальнейшего развития, возможно, из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксистско-ленинской теорией познания.

* Профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

** Доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент.

¹ См., напр.: *Курылев С. В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 11–12; *Якубович Н. А.* Гносеологические основы доказывания по уголовному делу // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 523–525; *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 108.

² См.: *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 83–86; *Дорохов В. Я.* Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 215–217; *Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 72–73; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997. С. 136–137; *Балакшин В. С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004. С. 10–15.

Справедливости ради отметим, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов, а напротив, утверждал их существование¹. Упоминание таких образов встречается и в работах В. И. Ленина². Вместе с тем советские философы относились к данной проблеме с большой осторожностью, не выходили за рамки «дозволенного». В противном случае существовала реальная «опасность» перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике. В частности, Н. К. Вахтомин специально отмечал, что идеалисты извращенно толкуют активную роль субъекта в познании, превратив его в творца действительности, в некоего демиурга³.

Мы полагаем, что проблемы восприятия субъектами доказывания значимой для уголовного дела информации, безусловно, требуют дальнейших исследований. Представляется, что, методологически отталкиваясь от информационной теории доказательств, в настоящее время вполне возможно выявить и проанализировать закономерности формирования мысленных образов в сознании дознавателя, следователя, судьи. А это, в свою очередь, позволит по-новому взглянуть на достоинства и недостатки различных видов доказательств и, следовательно, наметить новые подходы к оценке их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

Итак, одним из базовых положений для информационной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме. В кибернетике под сигналом обычно понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, т. е. как бы выступающий в роли модели этих события, явления или объекта⁴. Таким образом, содержанием сигнала является сама информация, а его формой — способ передачи (например, изменение предмета, акустические колебания и т. д.). Дознаватель, следователь, судья, осуществляя познавательную деятельность посредством проведения различных процессуальных действий, различным образом взаимодействуют с объектами познания, получая от них соответствующие информационные сигналы.

В связи с этим следует согласиться с информационной теорией доказательств в уголовной процессе, предполагающей субъективные механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу⁵. В то же время нам представляется не совсем аргументированным тезис о том, что психическое отражение имеет материальный характер, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Большинство философских систем, сложившихся в Новое время, выделяют два основных этапа познания: чувственное и рациональное⁶.

¹ См., напр.: *Нарский И. С.* Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. М., 1966. С. 34; *Дейнеко Н. И.* Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев; Одесса, 1978. С. 87 и др.

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18: Материализм и эмпириокритицизм. М., 1968. С. 114.

³ См. *Вахтомин Н. К.* О роли категорий «сущность» и «явление» в познании. М., 1963. С. 12.

⁴ См., напр.: *Полетаев И. А.* Сигнал. М., 1958. С. 25–27; *Куликовский Л. Ф., Молотов В. В.* Теоретические основы информационных процессов. М., 1987. С. 67–69.

⁵ См. *Дорохов В. Я.* Указ. соч. С. 216; *Балакшин В. С.* Указ. соч. С. 13.

⁶ См.: *Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова.* М., 2005. С. 558.

Чувственное познание человеком окружающего мира имеет первичный характер. Оно связано с деятельностью органов чувств, сенсорной системы¹ и мозга. В процессе чувственного познания возникают ощущения, восприятия, представления.

Ощущение является простейшим и исходным элементом, как чувственного познания, так и всего человеческого сознания². В зависимости от рецептора можно выделить зрительные, слуховые, обонятельные и другие ощущения. Восприятие представляет собой более сложный психический процесс, связанный с преобразованием ощущений в мысленные образы. Этот элемент высшей психической функции человека, пожалуй, занимает, центральное место в механизме чувственного познания. Именно через восприятие поступающие посредством сенсорной системы материальные по своей природе нервные импульсы (коды) трансформируются в идеальные конструкции — перцепты³.

Психология XIX в. представляла восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Однако сегодня наука подходит к этому процессу с совершенно иных позиций. По этому поводу выдающийся отечественный психолог А. Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают восприятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сличения этих гипотез с исходными данными⁴.

В основе восприятия, безусловно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Если в процессе сенсорного кодирования формируется модель стимула, — пишет В. П. Зинченко — то в процессе восприятия создается и используется модель предмета⁵. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в перцепты и какие причины обуславливают превращение допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически, высказав соответствующие предположения⁶.

Таким образом, на сегодняшний день в психологической науке не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия перцептами. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности.

¹ Под сенсорной системой в психофизиологии понимается часть нервной системы, которая воспринимает внешнюю информацию, передает ее в мозг и анализирует ее (см., напр.: Основы психофизиологии : учебник / отв. ред. Ю. И. Александров. М., 1998. С. 55).

² См.: Философия : учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. С. 560.

³ Перцепт — то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт — феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия (см., напр.: Электронная психологическая энциклопедия. URL: http://mirslovarei.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy (дата обращения: 08.11.2013)).

⁴ См.: Лурия А. Р. Основы нейропсихологии : учеб. пособие. 6-е изд. М., 2008. С. 232.

⁵ См.: Зинченко В. П. Проблемы генезиса восприятия // Восприятие и действие / под ред. А. В. Запорожца. М., 1967. С. 40.

⁶ См.: Маклаков А. Г. Общая психология. СПб., 2001. С. 431, 434.

В данном случае скорее можно говорить не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия. Известный британский философ XX в. К. Р. Поппер писал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изошренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнять к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К. Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки, благодаря его тренировке и навыку. При этом его снимки вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки¹.

Несмотря на всю важность восприятия, этот процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь перцепты, выполняющие хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не является полноценным мысленным образом какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер, образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы — это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения². Поэтому существует еще более сложная (высшая) форма чувственного познания — представление (гнозис) — способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность гнозиса от функции восприятия, полагаем, что он также никоим образом не может рассцениваться как имеющий материальный характер. Следовательно, его результаты — мысленные образы — нельзя рассматривать как зеркальные отражения реальных объектов познания. Скорее уместно предположение об их относительной адекватности по отношению к объективной действительности.

Таким образом, созданные посредством процессов восприятия и представления знания об объектах уже изначально нельзя считать имеющими объективный характер, поскольку они прошли преобразование в процессе познания и, соответственно, приобрели определенный субъективизм. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть некоторые особенности формирования мысленных образов.

В результате восприятия у человека формируется всегда более или менее сложный образ объекта, определяется собственная модель объективно существующего предмета на основе имеющегося у него опыта. В процессе восприятия из всего набора признаков объекта, выделяются те, которые наиболее существенны, по мнению человека, воспринимающего данный объект. Затем происходит их сопоставление с предшествующим знанием о признаках подобных объектов и отнесение воспринимаемого объекта к определенной группе.

Сложность формируемого мысленного образа объекта напрямую зависит от сложности самого этого объекта. Причем мысленные образы одних и тех же объектов у разных людей будут разными, что зависит от условий восприятия, предшествующего опыта познавательной деятельности. На основе такого опыта у человека формируются стереотипные представления, влияющие на содержание мысленного образа.

¹ См.: *Поппер К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. М., 2002. С. 69.

² См.: *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В. В. Лучкова. М., 1981. С. 47.

Формирование мысленного образа происходит в определенных условиях и под воздействием определенных факторов, которые могут быть условно разделены на субъективные и объективные.

К субъективным факторам, определяющим индивидуальный характер процесса формирования мысленного образа, относятся: свойства личности воспринимающего человека; особенности его познавательных процессов; статус (роль) в ситуации восприятия (свидетель, дознаватель, следователь, судья); состояние человека в ситуации восприятия (физическое и психическое); отношение к объекту восприятия (нейтральное, заинтересованное).

К объективным факторам можно отнести условия формирования, сохранения и воспроизведения мысленного образа; характеристики объекта восприятия.

Из свойств личности применительно к субъектам судопроизводства представляются существенными характеристики мышления. В процессе мышления происходит переоценка результатов восприятия, в результате чего мысленный образ может претерпевать искажения. Воображение (фантазия) может преобразовать представление об объекте. Действуя на реальной основе восприятия, с учетом результатов мыслительной переработки представления, воображение позволяет восполнять пробелы восприятия, сохранения и переработки мысленного образа. При этом воображение может пополнять мысленный образ несуществующими признаками, исказить действительные характеристики объекта.

В ситуации восприятия статус человека, в памяти которого формируется мысленный образ, его отношение к объекту восприятия влияют на его содержание. Потерпевший чаще всего заинтересован в результатах расследования, рассмотрения дела, поэтому он вкладывает в мысленный образ такие признаки, которые больше соответствуют его представлению об объекте, иногда включая и такие, которыми тот не обладает. Специалист, привлекаемый для участия в процессуальном действии, использует при формировании мысленного образа свои профессиональные знания. При этом уровень его квалификации существенным образом влияет на содержание мысленного образа. Сложившаяся у дознавателя или следователя версия также может избирательно влиять на содержание мысленного образа, сохраняя в нем определенные признаки объекта и «вытесняя» те, которые ей не соответствуют.

Из объективных факторов для содержания мысленного образа значимы условия его формирования, сохранения и воспроизведения, которые могут быть благоприятными, т. е. позволяющими изучать признаки объекта, и неблагоприятными, когда процесс восприятия ограничен во времени.

Характеристики объекта восприятия могут требовать специальной подготовки для их понимания, знаний в определенных областях, например, протокол осмотра места пожара, взрыва.

Анализ природы мысленного образа, психологических сторон процесса восприятия, формирования и сохранения мысленного образа позволяет дать характеристику его свойств. Он беднее оригинала, характеризуется относительной фрагментарностью, поскольку признаки объекта отражаются в нем не полностью, некоторые искажаются, а другие вовсе не отображаются.

Мысленный образ неустойчив и непостоянен, поскольку его полнота со временем уменьшается. Он содержит в себе элементы обобщения, причем это обобщение определяется индивидуальными качествами субъекта восприятия и условиями восприятия и сохранения мысленного образа. На формирование мысленного образа оказывает существенное влияние стереотип восприятия — оно происходит как бы на фоне стереотипных представлений об объекте.

Тем не менее, несмотря на свою субъективную природу, мысленный образ достаточно полно и адекватно отражает признаки объекта, что обеспечивается свойствами человеческого сознания, способностью правильно отражать окружающую нас действительность.

Использование мысленного образа объекта познания может осуществляться в процессе судопроизводства по-разному, непосредственно — в ходе, например, такого следственного действия, как предъявление лица для опознания, и опосредованно — через вербальное преобразование мысленного образа (показания свидетеля).

Однако использование такого мысленного образа (назовем его первичным) осуществляется через познавательный процесс дознавателя, следователя, судьи. В ходе этого процесса при взаимодействии с первичными носителями мысленного образа у данных субъектов судопроизводства формируется собственное представление об объекте, собственный перцепт, который приобретает производный характер. Основанные на нем мысленные образы обладают уже вторичным субъективизмом. Такой вторичный мысленный образ, независимо от желания его носителя, оказывает влияние на ход и результаты процессуальных действий.

Так, выслушивая информацию о внешнем облике скрывшегося преступника, дознаватель получает описание признаков разыскиваемого в произвольной форме. Для последующего использования данной информации он должен ее преобразовать в упорядоченную форму, используя методику словестного портрета. При этом он опирается на содержание мысленного образа, сформировавшегося у него на основе показаний очевидца. Данный мысленный образ имеет вторичный характер по отношению к первичному мысленному образу, имеющемуся в памяти очевидца.

При фиксации показаний свидетеля, дающего описание признаков какого-либо объекта, на формирование вторичного мысленного образа оказывает влияние подготовленность дознавателя, следователя, суда к адекватному пониманию сущности сообщаемых признаков. Чаще всего такое описание дается свидетелем с использованием бытового, разговорного языка; признаки объекта не конкретизируются, относятся к числу средних, так называемых обычных. Дознавателю, следователю, секретарю судебного заседания, составляя протокол, приходится осмысливать содержание таких показаний, использовать для фиксации в протоколе криминалистическую терминологию. Соответственно, при этом приходится опираться на содержание вторичного мысленного образа объекта. В вышерассмотренных ситуациях наблюдается вербальный способ уголовно-процессуального познания идеальных объектов.

Очевидно, что мысленные образы дознавателя, следователя, судьи, формируемые посредством вербальных способов процессуального познания, так же отличаются от результатов наглядно-образного восприятия, как представления о мире слепого и зрячего человека. Слова и другие вербальные средства общения передают образ объективной действительности в том ракурсе, в котором она представлена в сознании свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта и других лиц, и с учетом того смысла, который вкладывает в содержание этих слов сам субъект познания.

Вербальный способ познания позволяет отразить в материалах уголовного дела сведения, представленные свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, экспертом и другими лицами практически в том первоначальном виде, в котором соответствующие субъекты хотели его донести дознавателю, следователю, суду. Это обстоятельство следует расценивать как весьма важную гарантию адекватности восприятия значимой для уголовного дела информации. Например,

если следователь, допросив свидетеля, неверно истолкует отдельные сообщенные им сведения, то эта ошибка вполне может быть устранена в судебном заседании посредством получения новых показаний или оглашения протокола допроса. Напомним, что показания, данные следователю, фиксируются в соответствии с тем смыслом, который вкладывает в них допрашиваемый, а не на основании мысленного образа, сформированного в сознании дознавателя или следователя. Если какие-то факты будут неправильно истолкованы судьей, то подобный недочет вполне может быть исправлен в апелляционном производстве и т. д. Особую актуальность эта позитивная черта вербального способа познания приобретает в части работы с заключениями эксперта, специалиста и письменными документами, поскольку в отличие от показаний они не предполагают повторных судебных процедур и представляются в судебное заседание в том же самом виде, в котором ранее были восприняты органами предварительного расследования. Иными словами, вербальные доказательства обладают свойствами воспроизводимости и высокой степени соответствия отраженной в материалах уголовного дела информации сведениям, исходящим от соответствующего лица.

Кроме того, вербальный способ познания имеет еще одно несомненное достоинство. Посредством человеческой речи или каких-то иных условных знаков и символов можно охарактеризовать обстоятельства, не способные попасть в зону наглядно-образного восприятия дознавателя, следователя или судьи. Во-первых, это, несомненно, определенные события прошлого, не отобразившиеся в элементах вещной обстановки или отобразившиеся таким образом, что их невербальное познание невозможно (например, факт нахождения лица в определенном месте, если там не осталось его следов пальцев рук или обуви; факт произнесения лицом каких-то слов; описание похищенных вещей и т. д.). К этой же группе можно отнести обстоятельства хода и результатов проведения каких-либо следственных действий в досудебном производстве (осмотра, обыска, выемки), которые доводятся до сведения суда посредством вербальной фиксации в соответствующем протоколе. Во-вторых, это какие-либо объекты, которые не могут быть распознаны наглядно-образным способом в силу ограниченных возможностей органов чувств (микрообъекты, повреждения внутренних органов на трупе, концентрация алкоголя в крови и т. д.). Такие обстоятельства подлежат подробному словесному описанию в соответствующем заключении эксперта. В-третьих, это могут быть объекты, не подлежащие наглядно-образному восприятию субъектом уголовно-процессуального познания в силу особого места или специальных условий хранения (например, для получения мысленного образа об удаленно расположенном земельном участке следователь вполне может ограничиться изучением документа — плана БТИ). В-четвертых, это могут быть какие-либо сведения, изначально содержащиеся в словесной форме и, следовательно, в принципе не подлежащие восприятию невербальным способом (сведения о прежней судимости лица, о перенесенных им болезнях, о содержании завещания умершего и т. д.).

Вместе с тем вербальный способ познания объективной действительности характеризуется рядом недостатков, создающих серьезные сложности в правоприменительной деятельности. Безусловно, первым из них следует назвать изначально субъективный характер получаемых сведений («субъективизм в квадрате»). Дознаватель, следователь или судья воспринимают обстоятельства уголовного дела сквозь призму сознания соответствующих свидетелей, потерпевших и других лиц, через фильтр их зрительного, слухового или иного гнозиса, механизмы

формирования которого наукой до конца не исследованы. Кроме того, в данном случае нельзя не принимать во внимание ошибки, допущенные этими лицами вследствие неправильного ощущения или восприятия предмета познания, факты умышленного искажения информации и тому подобные негативные обстоятельства. Поэтому при работе с вербальными доказательствами всегда возникает вопрос о степени их адекватности по отношению к объективной реальности.

Помимо этого, вербальный способ познания уязвим возможностью неверного восприятия или осмысления сообщенных сведений самим дознавателем, следователем или судом. Каждое сказанное слово, словосочетание или иной символ побуждают формирование в их сознании определенного мысленного образа, который при этом может существенно отличаться от образа, первоначально закодированного в словесной или иной интеллектуальной форме. Полагаем, что особо острый характер данная проблема приобретает при оперировании оценочными понятиями (например, большой, богатый, известный, умный и т. д.).

Кроме того, человеческая речь или иные интеллектуальные знаковые системы не являются универсальными средствами общения. В мире существует большое количество языков, отдельных диалектов и наречий, специфических терминов, специальных кодов и символов, обуславливающих серьезную опасность непонимания (неправильного понимания) субъектом познания отдельных вербальных сведений. Конечно, законодатель предусмотрел определенные процессуальные гарантии, направленные на минимизацию подобных рисков. В частности, для общения с лицами, не владеющими языком уголовного судопроизводства, существует институт переводчика; для уяснения специальных терминов, используемых в экспертном заключении, возможна процедура допроса эксперта; для правильного понимания технических и тому подобных документов возможно участие специалиста.

Однако указанные процессуальные гарантии далеко не безграничны. В современной следственной и судебной практике можно встретить немало ситуаций, когда существующая гарантия оказывается бессильной или невостребованной. Например, следователь или суд не допрашивают эксперта, поскольку полагают, что содержание заключения, в том числе все специальные термины, абсолютно понятны, хотя, возможно, на самом деле это не совсем так. В другом случае подозреваемый или обвиняемый желает изъясняться на каком-то редком диалекте, что сильно затрудняет возможность обеспечения соответствующего переводчика. Да и вообще, участие таких вспомогательных субъектов познания, как переводчик или специалист, еще более усиливает субъективизм соответствующих вербальных доказательств (фактически, здесь уже имеет место «субъективизм в кубе»).

И, наконец, последнее. Как уже отмечалось выше, вербальный способ познания достаточно часто связан со слуховым гнозисом, возможности которого весьма ограничены и сильно уступают зрительному. В связи с этим следует вспомнить данные психофизиологических исследований, согласно которым максимальную долю сенсорной информации (свыше 90 %) человек получает визуально. И если в досудебном производстве изъяны слухового восприятия информации легко компенсируются посредством последующего ознакомления допрашиваемого лица с соответствующим протоколом, то при рассмотрении дела в судебном заседании подобные механизмы существуют лишь частично. Согласно ч. 7 ст. 259 и ч. 1 ст. 260 УПК РФ правом на ознакомление с протоколом судебного заседания обладают только стороны; свидетели, эксперты и специалисты не имеют возможности оценить правильность фиксации в протоколе их показаний. При этом полагаем,

что от ограниченности слухового восприятия в наибольшей степени страдают уголовные дела, рассматриваемые с участием присяжных заседателей. В силу особенностей процедуры, установленной гл. 42 УПК РФ, эти субъекты процессуального познания воспринимают все оглашаемые вербальные сведения, включая материалы досудебного производства, исключительно на слух.